

ГЛАВА 16.

В статье «Женщины-мигранты Бангкока» журнала *Tongudai* (1984 г.) говорится о том, что закон о минимальной оплате труда неэффективен. 97 процентов рабочих на предприятиях, где работают менее десяти человек, получали зарплату ниже ставки минимальной оплаты труда. На тех предприятиях, где работали больше чем десять рабочих, процент таких составлял 78. На тех фабриках, что реально придерживаются закона о минимальном размере заработной платы, женщин сначала нанимают на испытательный срок, который длится 60 дней, в этот период они получают зарплату ниже установленного минимума, так как это всего лишь испытательный срок, и только потом допускаются к работе.

Легко понять сложность выживания для мигрирующих женщин, прибывших в Бангкок на заработки. Поскольку другие рабочие места низкооплачиваемые, проституция представляется самым рациональным выбором для поддержания их нищих крестьянских семей.

В Бангкоке я опять вернулась к своей разрухе: поцарапанный пол, трещины на пластмассовых контейнерах и другие следы нападения жены Джека. Пришло время восстановить все это. Возможно, коричневый «Волшебный маркер» сможет замазать царапины. Что здесь было? Что могло так испортить пол? Кого тащили через всю комнату, царапая при этом паркет? Может Джек пытался выдворить свою взбесившуюся жену за дверь? Или она пыталась вытащить Джека из моей квартиры?

Мне не нравилось то, что она знала, где я живу, а я даже не знала, как она выглядит. Телефонистка сказала, что она была уродлива без передних зубов. Я не забыла о том, что Джек находил мои зубы непривлекательными. В действительности же он имел в виду женщин без зубов вообще. Я и Джек были будто с разных планет. Независимо от того, какие чувства существовали между нами, наши восприятия мира всегда будут далеко друг от друга. Я не могла себе даже представить, какова может быть его жена или подруга.

Кровь все еще оставалась на шнуре от утюга, и я колебалась, смывать ли ее. Мне хотелось смаковать это наслаждение – кровь, как символ его страдания. Он должен поплатиться за то, что причинил мне боль. Может мне проверить свою одежду, а вдруг я найду там еще больше кровавых пятен? Я бы оставила их для себя как подарки. Еще я должна проверить дискеты, которые его жена швыряла по комнате. Может, зашифрованные данные еще сохранились, несмотря ни на что? Не зная, с чего начать, я решила спуститься вниз, чтобы полистать газету.

– Привет, пупсик, – сказал мне мой австралийский сосед. – Я слышал, что у вас было немного шумно на прошлой неделе.

– Не спрашивайте, – сказала я и спрятала свою голову за газетой Bangkok Post.

Не дам ему возможность высказаться, как плохи тайские мужчины, – подумала я.

– Таиланд не одинаков ко всем женщинам-фарангам, как для вас, мужчин.

– Малыш, у тайских мужчин всегда есть где-нибудь жена, – сказал он, пытаясь спровоцировать меня развлечь его подробностями.

– По крайней мере, одна. Обычно больше.

Я нашла объявление в газете и комментарий: Empower проводит пати в полдень возле

Love Boat на Патпонге-2. Я посмотрела на часы. Успеваю... прекрасно. Для меня это было более безопасное время, так как ночью я могла столкнуться с Джеком.

– Тупоголовые овцы, – с отвращением сказал он в сторону Empower.

Мужчины-фаранги часто насмеялись над женщинами-фарангами, вмешивающимися в «их» мир проституток. Особенно они не навидели название Empower. Они даже забрались на стену возле школы Empower и написали это название с нарисованной вагиной вместо буквы «о».

– Мне надо поспешить, чтобы не пропустить пати, – поднялась я, стараясь избежать саркастических замечаний. Я знала, что его расpires сказать мне что-нибудь пошлое об отношениях между полами.

На улице возле Empower стоял стол, на нем продавались открытки и литература. Итан наблюдала за тем, как я приближаюсь, с таким хмурым взглядом, что цветы вяли.

– Как жизнь? – спросила я дружелюбно, не смотря на ее враждебный взгляд. Она кивнула в ответ, но промолчала.

Внутри все было заполнено женщинами Патпонга. Некоторые из них привели своих парней-фарангов, молодых, солидных, разных. Это был прекрасный способ похвастаться друг перед другом. Я узнала среди них пару репортеров из Bangkok Post, которых видела в библиотеке, когда ходила туда почитать колонки Тринка.

Для своей пати студенты Empower и их фаранги учителя поставили театральные сценки-пародии. Некоторые были комедийные, другие серьезные. Весь их бар был задействован в этой работе. Одна комедия показывала сцену в баре, в которой девочка гоу-гоу самозабвенно танцевала с огромным бейджиком, на котором была нарисована цифра 8. Единственный учитель-мужчина из Empower играл клиента, который вошел в бар. Он спросил у бармена про номер восемь (eight, звучит как «эйт» – прим. ред.).

– У нас СПИДа нет, – сказал бармен (AIDS, звучит как эйдз – прим. ред.).

– Я хочу вон ту с номером восемь.

– У нас нет СПИДа. Все ходят к доктору, и проверяются каждый день.

– Не СПИД, а номер 8.

– Все девочки чистые. СПИДа нет.

Проститутки в аудитории шумно смеялись. В английском языке, чтобы обозначить множественное число, достаточно просто добавить на конце слова букву «s», тогда как тайские слова никогда не заканчивались так. Поэтому тайцам тяжело понять этот фонетический нюанс. Женщины Патпонга знали об этой путанице с фарангами.

Следующая сценка была драматической. Это была сцена в отеле. Тайка сказала своему фарангу – «Пятьсот батов». Тот ответил сердито: «Пятьсот батов!? Ну уж нет. Я уже заплатил за ваши напитки. Затем я заплатил 325 бару и еще 200 батов за гостиничный номер. Я больше не выложу ни бата. Забудьте об этом». Она: «Пятьсот батов – это для меня. Я не получала ваши деньги за бар и за отель. Деньги для меня».

Женщины в зале сидели спокойно и кивали головами, как будто это часто случалось с ними.

В промежутках между сценками играла приятная песня Стива Уандера Part-time Lover («Любовник на полставки»). Мне было трудно не думать о своем горе, и я скользила взглядом по комнате, а при виде двери возникало желание выйти на Патпонг-2. Джек может знать, что я здесь. Приходил ли он, надеясь увидеть меня? Я

задержала дыхание, когда увидела тайца в рубашке с синими полосками. У Джека была точно такая же рубашка. Но по походке я поняла, что это не он, и разочаровалась. У Джека была скользкая походка, а носы его ступней в движении были направлены в разные стороны.

Вечером зазвонил телефон. Я не должна отвечать на него, твердила я себе, когда добежала до него и встала рядом. Он звонил снова и снова, а я стояла в нерешительности. Я подняла трубку. Это была Хой.

– Отец приехал в Бангкок, – сказала она. – Моя сестра На пропала.

– Куда пропала?

– Никто не знает. Она с кем-то подралась, а потом пропала.

Это не удивило меня.

– Она уехала из своего дома? А что с вещами?

– Она все забрала и ушла.

Чокнутый Алекс выхватил трубку у Хой.

– На исчезла вместе с тремя детьми, – сказал он запыхавшимся и обеспокоенным голосом. – Мы уверены, что она продала племянницу Ах в проститутки.

– О нет, только не Ах! Откуда вы знаете?

– Двенадцать лет, самый возраст для борделей в китайском квартале. Помнишь моего друга, который водил нас на Воскресный рынок, вот он предложил мне посмотреть одну такую? Я чувствую себя ужасно. Малышка Ах в публичном доме. Я раньше говорил Хой, что хотел забрать Ах, когда у меня было достаточно денег. К сожалению, сейчас у меня нет денег в запасе. Я получил письмо от родителей, и они мне сообщили, что мой банковский счет составляет всего 1 600 долларов. Я не знаю, что теперь делать. Я хочу найти работу. Я хочу, чтобы я и Хой зарабатывали, и тогда мы смогли бы оставить Ах с нами. Только бы ее еще не продали.

– А как другие дети На?

– Другой дочери только четыре года. Еще слишком маленькая. На смогла бы хорошо жить, продав Ах. Теперь я точно не усну всю ночь, думая о малышке.

– Это – РАБСТВО, а не проституция.

– Верно.

– Какая была милая маленькая девочка. Неужели мы не можем ничего сделать?

– Я дал деньги отцу Хой, чтобы он выследил На.

– Что он говорит об этом? Он тоже думает, что его дочь могла продать своего ребенка?

Алекс тяжело вздохнул.

– Это, я полагаю, общепринятая практика. Кроме того, у него нет денег, и он надеется, что я буду содержать их всех. Он думает, что деньги – решение всех проблем. Я как-то поговорил с ним, чтобы он попросил Хой вернуться в школу. Хой любит своего отца и сделала бы то, о чем он просит. Я думал, что он поможет мне сделать Хой лучше. Если он скажет ей идти в школу, то она пойдет.

– И что он?

– Нет. Он не помог мне. Они не понимают всей важности.

– И что же, он пошел искать Ах?

– Он пошел, чтобы найти На.

– Я надеюсь, что с Ах все в порядке.

– Я так не думаю. Как только ее продадут, мы уже никогда не найдем ее. Я боюсь, что уже поздно.

Повисла печальная пауза, поскольку мы вспоминали доверчивое лицо маленькой девочки.

– Что-нибудь известно о Шломо и Сумали? – спросила я. – Как молодожены?

– Они в загородном доме семьи Сумали. Теперь у меня смешанные чувства по поводу брака, – сказал он. – Я сомневаюсь по поводу мотиваций Сумали.

Это удивило меня. Мне побуждения Сумали были сразу очевидны. Я думала, что Алекс все правильно понимал с самого начала. Неужели его восприятие было затуманено только потому, что он был в той же ситуации, что и Шломо? Разве он не видел, кто такая Хой?

Алекс продолжал:

– Теперь я спрашиваю себя, вышла бы Сумали замуж за Шломо, если бы имела два миллиона батов в банке? Я говорил с Хой о браке. Я сказал, что хочу дать ей два миллиона батов и посмотреть, захочет ли она выйти за меня замуж.

– Ты говорил с Хой о браке?

– Не серьезно. Гипотетически.

Я знала ответ, и Хой его знала. Похоже, только Алекс ничего не знал. Я видела, что Хой могла бы выскочить за него в одну секунду, если бы захотела.

– Ну, сообщи мне, если услышишь что-нибудь об Ах, и мы попытаемся что-нибудь сделать.

Повесив трубку, я пошла посмотреть свои снимки из деревушки Хой. Мне хотелось взглянуть на малышку Ах. Она выглядела как наивный чистый ребенок. Как можно отправить такого ребенка в бордель? Тем не менее, я знала, что это могло легко произойти. В обедневших деревнях Таиланда это была распространенная практика – продавать своих дочерей так, чтобы вся остальная семья могла существовать. Для отца покупка мотоцикла была более важна, чем девочка. Иногда в Bangkok Post печатались отчеты о полицейских облавах, в которых сообщали о спасении одиннадцатилетних и двенадцатилетних девочек, проданных в секс-рабство. А однажды я читала о пожаре в Пхукете. Там сгорел дотла один из борделей. На пепелище пожарные нашли обугленные тела юных девочек, которые были прикованы цепью к кроватям, чтобы не сбежали.

На одной из моих фото было запечатлено, как мы все вместе сидели в каноэ. Ах больше всех маячила перед камерой, так как сидела впереди. Я вспомнила, как она была счастлива, когда я предложила ей свою туфлю, чтобы вычерпывать из лодки воду.

На другой фото были я и Ах с прическами «конский хвостик слева». Ах сначала носила хвостик в одном стиле, затем она, глядя на меня, повторила за мной, и мы стали выглядеть похоже. Я чувствовала, как переживал Алекс из-за поступка На. И я чувствовала то же самое. Затруднительное положение Алекса с деньгами было мне знакомо. Мужчины-фананги, что приезжали в Таиланд в отпуск на пару недель, часто ввязывались в романтические отношения и их финансы быстро таяли. На обратный путь у них уже не было денег. Некогда престижная работа с перспективой сделать карьеру была пожертвована в угоду жизни в Таиланде. Они предпочитали бороться за жизнь, зарабатывать гроши и выезжать из страны каждые три месяца для новой визы.

Когда телефон зазвонил снова, я не ответила на него. Мне очень захотелось услышать голос Джека, но, несмотря ни на что, я почувствовала внезапное отвращение к его секс-индустрии, не говоря уже о его жене.

Думая о способах, как бы пройти на Патпонг в течение дня, а не ночью, чтобы не видеть Джека, я решила встретиться с владельцем Grand Prix на Патпонге-1. Рик, американец, владелец заведения, был другом Тринка, и его бар упоминался в каждой еженедельной колонке Тринка. Тринк, конечно же, отрицал наличие любимчиков, но помимо обзора секс-заведений все же делал и спортивный об-

зор. В Grand Prix, который работал с 1969 года, по выходным показывали спортивное видео. Рик казался мне человеком, который мог дать мне информацию об истории Патпонга с самого его начала, о связи с американскими служащими.

Войдя в бар, я спросила, здесь ли он. Девочка гоу-гоу указала на офис за спиной. Заглянув в открытую дверь, я увидела упитанного человека, сидящего за столом.

– Привет. Я – аспирантка. Могу ли я задать вам несколько вопросов о Патпонге? – произнесла я и улыбнулась.

Он колебался, но выглядел не враждебно.

– Что вы хотели бы знать?

– Вы не возражаете, если я буду делать заметки?

– Сначала скажите мне, что вы хотите.

Его черты лица становились все более недружелюбными.

– Ну...что вы думаете о Патпонге?

– Я здесь уже двадцать лет. Почему мы должны вам о чем-то рассказывать?

Он определенно становился напряженным.

– Ну... не обязательно. Вы вот, например, женаты?

– Совсем недавно.

– На тайке?

Я не решилась задать вопрос, не на проститутке ли?

– Да, на тайке. Послушайте, у меня есть вещи поважнее. У меня нет времени и желания отвлекаться от своих дел на вас. Вы узнали что хотели? А теперь, если вы не против...

Он повернулся спиной ко мне. Интервью было закончено.

Я покинула бар, чувствуя себя раздавленным тараканом. Ну, по крайней мере, кое-что я узнала, хоть и немного. Если все фаранги были такие же противные, это тоже неплохие данные.

Тем вечером, когда мой телефон зазвонил, я все-таки взяла трубку.

– Как поживает твое разбитое сердце? – спросил Джек.

– Как поживает твоя жена? – ответила вопросом я, радуясь, что слышу его голос.

– Ты получила мою розу?

– Я бросила ее в мусор.

Я тут же пожалела, что сказала об этом.

Он сделал паузу, а затем произнес:

– Давай встретимся сегодня вечером, попьем кофе и поговорим.

– Нет, я больше не появляюсь на Патпонге.

– Я буду ждать тебя.

– Зря, я все равно не приду.

Я так и не пошла туда... телефон больше не звонил.

Я больше не ходила на Патпонг потому, что могла случайно пройти мимо Джека. Это было смешно. Мне нужно было закончить мой проект.

Следующей ночью я решила пойти туда, но держаться другой стороны улицы.

Вечером, когда я дошла до Патпонга-3, со мной в ногу зашагала группка тайцев, и таким образом они загородили меня от Джека. Он меня не увидел.

На Силом-Роуд, напротив Патпонг-1, проходило торжественное открытие нового Макдональдса. Двухметровый Рональд Макдональд стоял на улице, а напротив него стоял двухметровый полковник Сандерс*.

Подсвеченная вывеска с изображением гамбургеров и хот-догов опечалила меня. Ведь места фаст-фуда были чем-то особенным в наших отношениях с Джеком. Мы должны были праздновать это торжественное открытие вместе. Но тут я поступила по-другому: я пошла к Нок в Queen's Castle. Конечно же, больше всего мне хотелось видеть знакомое лицо вместо кого-то нового. Мне крайне необходимо была нужна хоть какая-нибудь компания или хотя бы дружелюбные лица.

– Сожалею, что не попала на твою пати, – сказала я ей. – Я была в Паттайе. Как все прошло?

– Забавно. Хочешь, я покажу тебе фотки.

Она пошла в раздевалку и вернулась с пакетом.

На фотографии была видна небольшая группа тайцев за столом. Нок показала на одного из них и сказала:

– Это мой поклонник.

Это был таец!

– Он твой поклонник? – уточнила я, чтобы быть уверенной.

Она кивнула. Я много раз слышала от нее, что она никогда не будет иметь дело с тайцем.

– Как долго вы уже вместе?

– Мы просто видимся иногда.

– Чем он занимается?

Она заколебалась.

*Сандерс – Гарланд Дэвид Сандерс, более известный как Полковник Сандерс, – основатель сети ресторанов быстрого питания Kentucky Fried Chicken (KFC)

- Он студент.
- Да, выглядит молодо. Сколько ему лет?
- Шестнадцать.

Насколько я помню, Нок было двадцать три. Хотя их клиенты были чаще всего старше, женщины с Патпонга не брезговали и молодыми тайцами.

- А как же Ямагучи? Ты все еще видишься с ним?

Она кивнула.

- Вчера он купил мне туфли.

Уходя, я договорилась встретиться с Нок на следующей неделе, днем. Так было лучше для меня, потому что не нужно было платить бару, выкупая ее. После Queen's Castle у меня появилось желание пойти на Патпонг-3 и навестить Чая. Если идти коротким путем через Патпонг-2, Джека я не увижу.

В ту ночь я все-таки дошла до Apollo Inn, но я успела только на шоу, где танцевали обнаженные мальчики. В этот поздний час из-за сигаретного дыма уже мало кого было видно. Чай был болен. Хозяин позволил мне навестить его на четвертом этаже. Он лежал на циновке на полу, накрытый простыней.

- У меня уже два дня лихорадка, - сказал он мне.

Я заботливо положила ему руку на лоб, как делают это европейцы, но тут же вспомнила, что в тайской культуре нельзя было касаться головы другого человека. Чай на это никак не отреагировал. Либо он чувствовал себя слишком больным, либо он привык к неосведомленности фарангов. Его лоб был горячим. Я сразу задумалась о СПИДе, но не стала его спрашивать об этом, потому что ему и так было плохо.

- Я надеюсь, тебе скоро будет лучше. На следующей неделе я вернусь.

Внизу, сидя в баре, я заметила, что воспринимаю шоу мальчиков гоу-гоу теперь по-другому, не так, когда смотрела его с Джеком. Тогда они казались мне смешными, нелепыми. Я с любопытством разглядывала их как голых пришельцев. Но теперь я рассматривала их как привлекательных мужчин. Джек пробудил во мне оценочное видение по отношению к мужским телам тайцев. Ко мне присоединился сосед Чая из Удона, которого я встретила в прошлый раз.

- Номер Первый выпал первый, - произнес он, охарактеризовав состояние Чая.

- Ты давно тут работаешь?

– Десять месяцев. Сначала, когда приехал, я только сидел и смотрел, целых три дня, очень стеснялся. Я не гей. У геев нет никакого будущего, потому что они не могут иметь детей.

– А у тебя есть подруга?

– Нет. Женщины любят тех, у кого есть деньги.

Ночью было довольно много народу – несколько женщин, немного тайцев, толпа фарангов и пара трансвеститов. Шоу началось в 11:45. Мальчики гоу-гоу периодически менялись. Они танцевали на сцене голышом и теребили свои вялые члены. Но эрекции ни у кого добиться так и не получилось. Когда бармен позвал друга Чая «Номер Первый выпал первый» на сцену, он не захотел идти.

– Я очень стесняюсь, потому что ты здесь, – сказал он мне. – Я застенчив.

Тут я сделала ужасающую вещь. На нем была только ткань, обернутая вокруг талии. Я толкнула его и в шутку сказала:

– Ой, да ладно тебе, давай уж!

Он хихикнул, но не перестал двумя руками крепко держать набедренную повязку. Он вел себя, как жеманная шлюха перед клиентом-новичком.

– Я не хочу идти, – сказал он, все еще держа руками ткань.

Он посмотрел на бармена, словно надеясь на отсрочку. Затем, после того как бармен что-то ему сказал, он все-таки поплелся в сторону сцены.

Когда он ушел, я с ужасом поняла, как я выгляжу. Я смотрела на него так же, как фаранги на девочек, которых хотят купить. Он не хотел раздеваться не потому, что он шутил или кокетничал. Это было противостояние клиента и наемного работника, верхов и низов. Мне показалось, что я отнеслась непочтительно к его чувствам и его частной жизни. Сколько людей в моей жизни тоже говорили мне: «Ой, да ладно тебе, давай уж!» Сейчас я понимала его.

«Номер Первый выпал первый» пошел сначала в раздевалку. Я не видела, как он поднялся на сцену. Другой мальчик гоу-гоу, что сидел рядом, подтолкнул меня и сказал:

– Вон он, видишь, идет.

– Где?

Я не видела его.

– Там, сзади.

«Номер Первый выпал первый» был позади колоны. Он прятался. Никогда еще он не использовал столб как прикрытие. В конце

выступления он спрыгнул с задней стороны сцены. Затем он вернулся, сел рядом со мной и спросил:

– Вы видели меня?

– Нет.

– Это хорошо.

В ту ночью не было шоу «секс мужчин на сцене». Вместо двух мужчин прибыл только один. Перфоманс ему пришлось делать в одиночку. После того, как помощник помог установить стул на сцену, он какое-то время танцевал в стрингах, поглаживая смазанную жиром бутылку. Затем установив бутылку на стуле, он медленно сел на нее. Он не стал снимать стринги, но было очевидно, что бутылка полностью вошла ему в прямую кишку. Затем он слез с бутылки и открыл зубами с нее крышку, вылив содержимое себе в рот.

Вернувшись к стулу, теперь он вставил себе в задний проход массивную свечу.

Вообще-то это были четыре свечи, связанные вместе, там было четыре фитиля. Не вынимая, он поджег их. Остальная часть шоу была мазохистской. Над огнем свечей, торчащих из его зада, он стал водить свои ступни и икры ног. Потом он вынул эти свечи и, наклоня их под углом, стал капать себе на язык. Воск потек по подбородку и груди. За все то время, что он был на сцене, он так и не снял свои стринги, оставив меня с вопросом – «что же у него там не так?»

Выходя из Apollo Inn, я выбрала короткий путь к Патпонгу-2, через Патпонг-1. Я пошла верх по Силом, прошла Макдональдс, затем пошла по параллельной улице там, где я была еще десять минут назад. Джек придавал мне дополнительной энергии.

Когда на следующий день зазвонил телефон, я ответила на него, но это был Алекс. Он показался мне еще более несчастным, чем в прошлый раз.

– Хой и На тут у меня в квартире, – сказал он.

– А что там с Ах?

– Она здесь с двумя другими детьми.

– Замечательно! Она в целости и сохранности!

– Я не уверен на счет того, что все замечательно. Отец Хой нашел На в Кхон-Каен. Он рассказал ей о моем беспокойстве по поводу того, что На могла продать Ах в проститутки. Так он сказал ей, что я хочу заботиться об Ах.

– О нет! – Я засмеялась. – Поэтому теперь она с тобой?

– Теперь они все четверо со мной. Вчера вечером они все появились на моем пороге. Я не могу с этим справиться.

Знакомый сценарий. Когда фаранг знакомится с тайской девочкой, рано или поздно он бонусом получает всю ее семью.

Алекс вздохнул и продолжил:

– Я попытался им объяснить, что я подразумевал, что буду заботиться об Ах, когда мы с Хой найдем работу. У На вообще нет денег и она уверена, что я возьму на иждивение их всех и отправлю Ах в школу.

Когда я сказал, что прямо сейчас это невозможно, Хой заявила, что так не годится. Она сказала, что вернется на Патпонг. На поддержала это решение. Она посоветовала Хой найти нового друга, у кого побольше денег. Хой с ней согласилась. Затем сама Хой предложила продать Ах. Хой собралась взять Ах и продать ее. Я не знаю что делать.

В следующий раз мне позвонил Дадли Дэполито, он вернулся в Таиланд. Позже он приехал лично, чтобы забрать свою почту. Я вручила ему массивную связку писем.

– Есть письмо от Сои, – сказала я ему. – Мы виделись с ней в баре Паттайе, где она работает. Я специально зашла туда, чтобы передать от тебя привет.

– И что ты думаешь?

– Она мне понравилась. Я рассказала ей о своем горе с моим тайским другом, и она выслушала меня, и даже прониклась пониманием.

– Она такая куколка. За те два месяца, что я был в Китае, так и не смог выбросить ее из головы. Я словно одержим ею.

– Я думаю, что у вас так же, как у меня с Джеком.

– Джек?

– Мой милый с Патпонга.

Я описала Джека, а затем спросила:

– Что Сои пишет тебе в письме?

Он открыл его и прочитал. Оно было короткое, потому что девочки платили за каждую написанную страницу.

– Она говорит, что не заражала меня герпесом. Она думает, что я поймал его от ее младшей сестры.

– Ты поедешь в Паттайю, чтобы повидаться с ней?

– Послезавтра. Я выкуплю ее и возьму в путешествие по всей стране.

– Если у тебя есть багаж, можешь оставить его у меня, – сказала я. Так я смогу помочь ему навести порядок в вещах, чтобы он потом ехал дальше налегке.

– Спасибо. – Глаза Дадли загорелись. – Перед тем, как вернуться к Сои, я хочу побыть бабочкой. Сегодня вечером хочу подцепить малолетку, чтоб не больше пятнадцати лет. Я еще ни разу с такой не развлекался. Ну, ты понимаешь, что я имею в виду. Ты не знаешь, где я могу найти такое развлечение на Патпонге?

Сейчас передо мной сидел тот, кто не стал бы лишним раз задумываться перед тем, как заняться сексом с Ах, если бы он нашел ее в борделе.

Дадли, в принципе, был неплохим человеком. Он думал, что все это часть тайской культуры, и раз он был в Таиланде, так, почему бы нет? Я не стала высказывать свое мнение, я просто наблюдала и старалась не вмешиваться.

– На Патпонге нет малолеток, – сказала я ему. – Патпонг полностью коммерческий и слишком известный, они не посмеют это делать. Совершеннолетними девочками считают пятнадцатилетних, их тут можно найти. Я знаю одну такую. Она работает в Firecat.

Заглянув в файл, я посмотрела ее номер.

– Она номер 56.

– Ты пойдешь на Патпонг сегодня вечером? Можем пойти вместе.

– Великолепно. Прикроешь меня от Джека.

Дадли вздрогнул.

– Подождите минутку, а вдруг он решит побить меня за то, что увидит с тобой?

Я засмеялась над его словами.

– Нет! Это не большой и страшный сутенер как на Западе. Он – маленький тайский мальчик. Его жена чуть не убила его в моей квартире. В любом случае мы не должны повстречаться. Я хожу по противоположной стороне улицы от того места, где он работает. Я имела в виду, что ты спасешь меня от того, что я начну его искать. Я решила больше не разговаривать с ним, но у меня не хватает силы воли. Я боюсь, что случайно где-нибудь столкнусь с ним.

Мы отправились на Патпонг вместе. Дадли шел так, чтобы загородить меня с точки просмотра на углу Патпонг-3. Я поняла, что невозможно увидеть все вокруг, но Силом был широкий, шестиполосный, битком набитый машинами. По обоим краям островками росли кустарники, и за ними мне никого не было видно.

– Ты так же одержима им, как я Сои, – засмеявшись, сказал Дадли.

Джек, должно быть все-таки увидел меня, так как внезапно оказался перед нами. Он мчался через шесть линий движения, игнорируя сигналы. Должно быть он, слишком поздно заметил,

что я шла с другим человеком. Тогда, видимо поняв, что уже поздно возвращаться, он притворился, что идет в другое место, якобы по своим личным делам. Он замедлил шаг только прямо перед нами, направляясь в том же направлении, что и мы. Он вел себя так, будто не знал меня. Мне показалось, что я умерла в этот момент.

Он был так близко, что я могла дотронуться до него. Он был в расстегнутой синей полосатой рубашке, надетой на футболку, как носят тайские подростки.

Я не слышала того, что говорит мне Дадли, поскольку кровь бросилась мне в лицо. Я указывала на Джека и замычала:

– А...эээ...Джжж...ккк...

Дадли, кажется, понял, что что-то происходит. Он перестал говорить и с любопытством посмотрел в сторону, куда указывала моя рука.

– Это он, – выдавила я наконец-то.

– Он? – Дадли посмотрел на парня в нескольких футах прямо перед нами. – Что, правда что ли?

– Ттшшш... он услышит!

Дадли никак не мог поверить, что беспечно идущий впереди парень является тем самым Джеком. Он не был похож на сутенера. Судя по одежде, ему больше походил стиль тинейджера.

– Это не может быть он, – сказал Дадли. – Он видел тебя?

Я кивнула, затем прошептала:

– Он видел меня, и он видел тебя. Именно поэтому он притворился, что не видит нас.

– Нет, ты правда уверена, что это он?

– Тшшш.

Образовав треугольник, возглавляемый Джеком, мы шли от Патпонга-3 до Патпонга-1. Для меня каждый шаг был мукой, поскольку ситуация в которой мы оказались, была глупее не придумаешь! Возле самого Макдональдса Джек повернул налево, чтобы подняться на ступени. Дадли и я должны были пойти на право, чтобы пересечь улицу. Я больше не могла выносить этого.

– Джееек, – позвала я.

Было видно, что он колеблется, не зная, притвориться ли дальше, что он не слышит. Он повернулся. Мы посмотрели друг на друга и замерли на какой-то момент, он наверху лестницы, а Дадли и я внизу. Его брови поднялись и почти сомкнулись вместе. Он выглядел несчастным. Он продолжил идти в Макдональдс, но затем оста-

новился. Я сделала то же самое, не в силах двигаться. Я представила Дадли как моего друга. Джек пожал его руку. Я представила Джека как своего экс-бойфренда.

– Экс? Что это означает? – спросил Джек.

– Старый друг, но не больше, – сказала я с гневом, которого даже от себя не ожидала.

– Нет, – сказал он и снова пожал руку Дадли.

– Охх, очень приятно, – сказал он Дадли.

Повернувшись ко мне, он произнес:

– Твой друг очень представительный и почтенный человек.

Какое то время мы тупо молча смотрели друг на друга.

– Дадли приехал сегодня из Китая, – произнесла я, не зная, что еще сказать.

– Ох, сразу видно, вы богатый человек и очень представительный. А теперь – до свидания. Джек продолжал трясти руку Дадли. Затем он оставил нас, зайдя в Макдональдс. Я возненавидела расстояние между нами.

– Что это с ним? – спросил Дадли, который все еще был под впечатлением от внешности Джека. – Хорошо выглядит твой чувак.

– Да, я знаю.

На Патпонге-1 Дадли и я разошлись. Он направился в Firecat, а я – исследовать один из нескольких баров, которые еще не посещала. Что, интересно, имел в виду Джек, когда сказал, что не был моим экс-бойфрендом? Неужели он до сих пор считает, что остается моим другом? Это вероятно был один из тех случаев, когда фаранг и таец не понимали друг друга.

Я задумалась над словами Джека по поводу «представительности» Дадли. Для Джека это качество было очень важно, особенно в его работе. Прибыв из трущоб на Патпонг, Джек, мечтал только об одном – стать уважаемым. Дадли же вообще не заботился об этом. Быть фарангом в Азии автоматически означало быть уважаемым. Я представила Джека, сравнивающего себя с Дадли. Джек никак не мог конкурировать с фарангом, на счету которого были все преимущества. Следующее, что Джек ценил после уважения, были деньги. Для Джека Дадли, путешествующий по всему миру и не работающий, казался миллионером. Около Дадли Джек чувствовал себя просто ничтожеством.

Мое сердце снова сжалось при мысли о нем.

На следующий день позвонил Алекс, и рассказал, что убедил На и детей уехать в Кхон-Каен. Он отдал им все наличные деньги.

– Как только я и Хой найдем работу, мы заберем Ах и устроим ее в школу, – уверял он меня. – Но у меня все еще нет работы. Я всегда могу преподавать английский или французский язык, но не думаю, что это будет кому-то тут интересно.

– Вы планируете остаться в Таиланде?

– Я никогда не планировал этого, но теперь у меня есть Хой. Я считаю, что должен буду сделать все, что смогу, чтобы содержать нас и ее семью.

Через какое-то время пришел Дадли. Он попросил разрешения оставить свои вещи перед поездкой в Паттайю. Перед тем как уехать, Дадли провел ночь на Патпонге. Я спросила его о девушке с номером 56 в баре Firecat, но он сказал, что ее там не было.

– Я спросил у них пятнадцатилетних, но у них была только семнадцатилетняя. Это стоило бы мне 325 батов в баре, плюс 500 батов для девочки, и 200 за комнату. Вместо этого я пошел в New Key Note, где я уже раньше бывал. Там я купил красивую девушку из гоу-гоу, но она оказалась бестолковой в постели. Она была холодна, ну, ты понимаешь, что я имею в виду? Потом я взял еще одну, вот она была как голодная сучка, горячая телочка.

– А что не так было с первой? – спросила я.

– Она вела себя так, будто ненавидела весь мир. Ты не представляешь, я чувствовал себя виноватым за то, что трахался с другими девочками, вместо того, чтобы платить деньги Сои. Я действительно одержим ею, и не могу дождаться момента, когда же я ее снова увижу.

– Это прямо как у нас с Джеком. Я с прошлого вечера чувствую себя ужасно. Вчерашняя встреча была для меня болезненной. Это было пыткой.

– Он похож на хорошего человека.

– Ты правда так думаешь? Может, мне стоит поговорить с ним?

– Сделай то, что ты должна сделать.

После того, как Дадли уехал, раздался телефонный звонок. Это была тайская женщина, она медленно говорила на английском языке.

– Я хочу поговорить с Джеком, он у вас?

Мое сердце заколотилось.

– А не ты ли та самая, что устроила разруху в моем доме?

В трубке возникла пауза, затем она сказала:

– Я сожалею.

Снова тишина.

– Джек там?

– Нет. Он больше не приходит сюда. Я не знала, что у него есть жена.

Затем я спросила:

– Вы все еще вместе?

– Да.

Мое сердце снова оборвалось.

– Когда в последний раз ты видела его?

Она не отвечала.

– Сегодня?

– Да, – сказала она, но я почувствовала, что она лжет.

– Я должна увидеть Джека, – сказала она. – Ты можешь показать мне, где он работает?

Она хотела, чтобы я показала ей рабочий угол Джека? Она не знала, где он работает? В конце концов, возможно, они вовсе не были вместе.

– Зачем? – спросила я.

Она не отвечала.

– Ты должна мне деньги за вещи, которые ты сломала. Восемь тысяч батов, – навскидку сказала я. – Ты собираешься вернуть мне их? – спросила я, зная, что ничего она мне не возместит.

И снова была пауза.

– Я должна увидеть Джека. Пожалуйста, отведи меня к нему.

– Для чего?

Она поколебалась, затем сказала:

– Ребенок болен.

Я вспомнила, как Джек рассказывал, что его жена использует эту уловку, говоря его друзьям, что он игнорирует ребенка, чтобы сделать ему больно или создать скандал.

– Я не верю тебе. Все равно я больше не вижу с ним. Как тебя зовут?

– Туум, – сказала она, с тайским придыханием на букве «Т». Но слышалось больше как Дуум*.

Это имя хорошо ей подходит, – подумала я.

Я хотела порасспрашивать ее еще, но когда она поняла, что я не буду ей помогать – сказала до свидания. Когда я повесила трубку телефона, то ликовала от радости. Наверняка они с Джеком были не вместе, потому что она даже не знала, где он работает. Может,

*Дуум – англ. DOOM – обречённость, гибель.

Джек мне вовсе не лгал насчет этого. Что за отношения были между ними. Может и правда она нашла мою визитку в доме его матери? Я сама до сих пор не знала, где живет Джек. А может быть, она ждала у лестницы, чтобы плеснуть мне в лицо кислотой. Я решила сегодня не ходить на Патпонг. Мне не хотелось иметь никаких дел ни с Джеком, ни с его женой.

На следующий день я должна была встретиться с Нок. Исследование продвигалось достаточно хорошо, я могла не ходить на Патпонг каждую ночь. В 11:00 я встретила с Нок возле бара. Мы пошли на обед в место под открытым небом. Эти дешевые палатки, никак не связанные с магазинами, загромождали тротуары Бангкока. Еда делалась быстро, на огне, а тарелки мылись в одном месте с мутной водой. Порванные зонтики, свернутые на ночь, валялись у здания, а покосившиеся столы и стулья вызывали жалкое зрелище. В течение дня эти «рестораны» занимали большую часть тротуара. Фарангов это раздражало, потому что, чтобы их обойти, приходилось лезть в грязь. Фаранги вообще раздражались от любой прогулки, так как им казалось, что тайцы ходят слишком медленно.

Нок постоянно болтала о своем новом тайском друге Муне, которого я недавно видела на фото. Казалось, что она никак не могла избавиться от Муна в своих мыслях.

– Вчера Мун сказал... на прошлой неделе Мун сходил... завтра Мун будет...

– Ты собираешься за него замуж? – спросила я.

– Да, но это секрет. В следующем году мы женимся. Никому не говорит об этом. Мун думает...

После того, как мы поели острый суп, Нок огляделась по другим столам, и выбрала пожилого тайца. Сладко ему улыбнувшись, она показала на наши пустые тарелки, а затем спросила его: «вы за нас не заплатите?» Он же захотел за это провести с нами время, и даже предпочел говорить со мной на английском языке, чем с нею на тайском. На что Нок очень разозлилась и оплатила свой счет сама. Хотя я была готова к тому, что мне придется оплачивать наши прогулки и пикники, мне это понравилось.

Мы пошли играть в боулинг. И снова мне пришлось целых два часа слушать о ее Муне.

– Я учу Муна играть в боулинг... Мун сказал мне.... Мун может...

– А как поживает Ямагучи? – прервав, спросила я ее.

– Вчера вечером я видела его. Затем я встретила с Муном. Мун любит...

Действительно ли Джек и его жена были уже не вместе?

– У Муна есть... Я надеюсь что Мун... Мун и я...

Когда я вернулась домой, зазвонил телефон.

– Я люблю тебя, – сказал Джек.

– Я ничего не могу сказать.

– Я жду тебя каждый день.

– Я не хожу на Патпонг.

– Я должен увидеть тебя еще раз в своей жизни.

– Для этого нет никаких причин, – сказала я поскуливающим голосом. Тембр моего голоса показался мне странным. Услышал ли его Джек?

Он понял все.

– Я сейчас приеду и мы поговорим.

– Я вовсе так не считаю.

– Я буду через двадцать минут, – сказал он, даже не дав мне возразить.

Я могла уйти из дома прежде, чем он придет, или остаться, и открыть ему дверь. Наверное, он и правда любит меня.